

В память о Самнере З. Каплане

Благодарности

Я бы хотел поблагодарить Институт Гарримана при Колумбийском университете за щедрый грант на публикацию книги, своего аспиранта Гиля Рубина за подготовку алфавитного указателя и помощь с корректурой, Ненси Тофф в издательстве Oxford University Press за помощь и терпение и, как всегда, Мардж, Итана, Аарона и Эмму за любовь и поддержку.

Глава 1

Евреи: религия или национальность?

Сионизм — националистическое движение, призывающее к устройству и поддержке независимого государства для еврейского народа на месте его исторической родины, — в наше время является одной из самых противоречивых мировых идеологий. Приверженцы сионизма считают его национально-освободительным движением еврейского народа, в результате которого в 1948 году было создано Государство Израиль. Противники сионизма относятся к нему как к одному из пережитков колониализма, проявляющегося в израильской оккупации Западного берега реки Иордан с миллионами живущих там палестинцев во имя расистской идеологии, все больше превращающей Израиль в государство апартеида.

Очевидно, что сторонники и противники сионизма написали большое количество противоречащих друг другу политизированных исторических работ. Практически все их авторы так или иначе встают на ту или другую сторону. Ни в научной, ни в популярной литературе больше не стремятся к объективности. В наши дни граница между интеллектуальной ангажированностью и политическим активизмом практически стерлась.

Эта книга и предлагаемая вниманию читателя оценка никоим образом не посягают на недостижимую объективную истину. Автор осознанно стремится к максимальной научной непредвзятости. В книге не продвигается какая-либо политическая позиция по отношению к сионизму, защищающая сионизм или против-

стоящая ему. Сторонники как сионизма, так и антисионизма вполне обоснованно могут возразить, что такая цель в лучшем случае иллюзорна, в худшем — просто опасна. Читателю судить, удалось ли автору сохранить заявленную непредвзятость.

Вопрос о том, с чего следует начинать, также является предметом научных разногласий и полемики. Многие, если не большинство современных сионистов, считают сионизм естественным продолжением двухтысячелетней преданности евреев Земле Израиля и стремления вернуться туда в конце времен. В соответствии с этой точкой зрения евреи тысячелетиями возносили ежедневные молитвы о возрождении своей родины в Палестине, и это чаяние внезапным, а для некоторых чудесным образом осуществилось, когда в 1948 году было основано Государство Израиль.

Эта распространенная точка зрения кое-что упускает. Дело в том, что сионистское движение, зародившееся в конце XIX века в весьма специфических условиях, было на самом деле отказом от вековых чаяний евреев о возвращении в Землю Израиля, а вовсе не их логическим развитием. Дело в том, что традиционная «тоска по Сиону» неизбежно связана с верой в пришествие Мессии, избранного Богом и только Богом, помазанника Божия, который и начал бы «собрание изгнанных» (то есть возвращение в Сион всех евреев мира) и восстановление Храма в Иерусалиме. В большинстве своих вариантов еврейский мессианизм подразумевает также — и это принципиальный момент — конец тому земному существованию, которое нам известно. Искушение еврейского народа в конце времен тесно связано с концом не только истории, но и естественного миропорядка. Как об этом красиво сказано в Книге Пророка Исаии: «...не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать», и «тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их».

Это мессианское видение и подталкивало евреев на протяжении всей истории к заявлениям о том, что конец света близок и что истинный Мессия пришел. Двумя самыми заметными

проявлениями этой идеи являются христианство и гораздо менее известное движение конца XVII века последователей Шабтая Цви, еврея из Османской империи, который в конечном итоге принял ислам, дабы избежать смертной казни. Но помимо Христа и Шабтая Цви, было много «лжемессий», поэтому влиятельные раввины по всему миру заявляли: несмотря на то что мессианизм с его призывом к евреям вернуться в Святую Землю является основной доктриной иудаизма, они осуждают любую апокалиптическую версию этой веры. Евреям запрещалось «приближать конец» или пытаться рассчитать время его наступления. Мессию должен будет выбрать Бог в вedomое Ему время, а любое активное вмешательство человеческих существ в этот процесс становилось ересью, порицаемой и наказуемой.

Основатели сионизма стихийно восстали против самых основ политической пассивности, которая была следствием мессианизма. Они требовали, чтобы евреи взяли дело собственного освобождения в свои руки, а не ждали, когда Бог (в которого многие вообще больше не верили) вернет их в «Сион» и создаст там дом для евреев. Вопреки жизненным принципам мессианской эры и прекращения естественного порядка существования, сформулированным Исаией, сионизм с самого начала призывал к «нормализации» еврейского народа: к тому, чтобы евреи относились к себе — и остальные относились к ним — с уважением, подобно всем другим народам, населяющим земной шар здесь и сейчас.

Основная идея сионизма заключалась в том, что евреи — это нация, а не религия; еврейство получило в еврейской истории новое определение в результате явной идеологической инновации — появления современного еврейского национализма. В самом деле, сионизм повторил общий паттерн современных националистических движений, возникших в Западной и Центральной Европе в начале XIX века, а затем, в середине и конце того же века, распространившихся на Восточную Европу. Эти движения начинались в виде идей культурного возрождения в среде интеллектуалов и писателей, на которых сильно повлияли такие философы, как Иоганн Готфрид Гердер и Иоганн Готлиб Фихте, заявлявшие, что человечество изначально делится на

«нации», каждая из которых обладает уникальной историей, культурой и «народным духом», или *Volksgeist* по-немецки. Так, слово «нация» в очень узком смысле изначально обозначало любую группу людей, связанных какой-либо общностью (единый жаргон, например «студенческой нации»); теперь оно приобрело весьма специфическое и особое значение. Первичной идентификацией каждого человека стала его принадлежность к нации, а не другие варианты его самоопределения или подданства: религиозные, региональные, локальные или же семейные. Пришедшая на смену национальной идентичность подразумевала среди прочего непрерывную общую историю (придуманную историками-националистами), с восходящими к древности национальными героями, и «национальный язык», который должен был заменить прежние способы общения, теперь презрительно именуемые диалектами, подлежащими уничтожению. В свое время решающим для новых националистических движений стал тезис о том, что каждой нации необходим политический суверенитет — предпочтительно полная независимость — на четко разграниченных территориях, которые по природе принадлежали этой нации и только ей, но были полностью или частично отняты у нее иностранными оккупантами, от которых она должна освободиться.

Однако воплощение этого последнего пункта нового понятия о нации в реальность оказалось крайне проблематичным, поскольку большинство государств в Европе и других странах, на период распространения национализма в остальном мире, не были устроены ни демографически, ни политически по таким особым «национальным» границам. В этих странах представители различных этнических и религиозных групп жили бок о бок в городах, поселках и деревнях, либо мирно, либо поддерживая часто напряженный, но все же стабильный *modus vivendi*. В ходе развития новых националистических движений эта ситуация стала, наоборот, считаться неестественной, несправедливой и гнетущей. В лучшем случае народ, не принадлежащий к той же нации, можно было терпеть как «меньшинство», но только при условии, что он признает себя чужаком в чужой ему стране.

По большей части сионизм воспроизвел эту модель, общую для современных форм национализма, однако с существенными от нее отличиями. Во-первых, уже начиная с древних времен евреи использовали самоопределение «народ», или «нация». Так их называли и неевреи. Правда, второй термин понимался иначе, чем при его использовании националистами в дальнейшем. Для передачи идеи еврейского народа в еврейской Библии используются три слова: «ам», «гой» и «леом». В чем была разница между ними для авторов Библии и была ли она, неясно. Со временем самым обычным названием евреев как группы становится «Ам Израэль», народ Израиля. Однако с появлением современного еврейского национализма в середине и конце XIX века третий и наименее распространенный библейский термин, «леом», стал использоваться в иврите в качестве основы для еврейских вариаций новых европейских понятий «нация», «национальное единство» и «национализм», чтобы не путать их с более привычными терминами, существовавшими до XIX века.

Возможно, этот довольно сложный момент станет понятнее, если мы рассмотрим пример из той части света, где появился современный еврейский национализм, — из бывшей Российской империи. До XX века народа, известного сейчас как белорусы, не было. Подавляющим большинством населения этой территории (теперь это государство Беларусь) были крестьяне, исповедовавшие православие и говорившие на восточнославянском диалекте (или, точнее, на ряде диалектов), близком, но отличающемся от русского и украинского языков. Сперва для самоидентификации они опирались на вероисповедание, место рождения и семейно-родовые отношения. Они не думали о себе как о «нации» в каком бы то ни было значении этого слова. Белорусский народ «родился» только с появлением в конце XIX — начале XX века среди небольшой группы интеллигентов современного белорусского национализма. Затем, как это ни парадоксально, огромную помощь в формировании белорусского народа оказало якобы наднациональное, а на самом деле антинациональное Советское государство. И сегодня белорусы верят, что они представляют собой отдельный народ с отдельной историей, национальным

языком и литературой, восходящими к древности, и что так было всегда.

В отличие от белорусов, евреи тысячелетиями считали себя и считались другими «народом», но значение этого слова с появлением современного национализма радикально изменилось.

Евреи принципиально отличались от других новоявленных (или вновь придуманных) народов еще по двум важнейшим причинам. Во-первых, тысячелетиями слово «еврей» также обозначало принадлежность к иудаизму и, как мы теперь говорим, исповеданию иудаизма — четкой системы религиозных воззрений, законов и обычаев. Как евреи, так и неевреи не видели проблемы в том, что группа определяется как по национальному, так и по религиозному признаку. Только в эпоху Просвещения в конце XVII и в XVIII веке появилось разделение между этими двумя сферами жизни — политической (принадлежащей общественной сфере жизни) и религиозной (принадлежащей сфере жизни частной). В результате начались споры о том, считать ли евреев исключительно народом или только религиозной группой.

Во-вторых, в отличие от белорусов, евреи не были большинством населения какой-либо территории. Живя практически по всему миру, они составляли меньшинство среди населения разных стран. Разумеется, никто не утверждал, что у евреев в древности не было родины (к такому утверждению еще придут так называемые постсионистские и антиссионистские ученые в конце XX века). Эта родина была известна под разными названиями: Иудея, Палестина, Святая Земля, Земля Израиля. Отсюда в 70 году нашей эры римляне изгнали подавляющее большинство евреев. Пусть очень малая их часть и осталась здесь на века, она представляла собой небольшой процент как от населения той земли, что стала известна под именем Палестины, так и от еврейской популяции в мире. Следует подчеркнуть, что, несмотря на реальные демографические обстоятельства, память о Святой Земле и ее первостепенном значении для иудаизма и еврейского народа сохранилась на века, о ней вспоминают на ежедневной и на праздничной службе, в молитве, возносимой к Богу, о воз-

ворате евреев в Святую Землю в конце времен, в мессианскую эру. Известнее всего молитва «На следующий год — в Иерусалиме», которой завершается Седер Песах, или служба на Йом-Кипур. Но эта глубокая вера в конечное возвращение евреев на Землю Израиля неразрывно переплелась с повседневной жизнью: о возвращении не раз вспоминают в ежедневном богослужении во всех еврейских ритуалах по всему свету утром, днем и вечером, в благодарственных молитвах после трапезы. Можно привести небольшой, но показательный пример. Евреи, живя в тех частях света, где погода, а значит, и сельскохозяйственный цикл совсем не похожи на Палестину, продолжали молиться о благоприятной погоде в соответствии с циклами посадки и сбора урожая в Палестине для поддержания там успешного сельского хозяйства. Кроме того, во многих частях еврейского мира было принято класть в гроб мешочек с землей, взятой из Земли Израиля. Этот символический жест имеет глубокое эсхатологическое значение.

Вопрос о евреях, переселявшихся в Палестину на протяжении веков, был чрезвычайно осложнен доктринальными ограничениями мессианского иудаизма тысячелетней давности. Тем не менее за многие века небольшое количество евреев все же иммигрировало в Палестину, иногда в связи с мессианскими ожиданиями, но чаще всего для того, чтобы жить и учиться в священных городах, выполнять заповеди, применимые исключительно к Святой Земле, и быть похороненными в ее святой почве.

Очень сложным и часто парадоксальным образом сионизм опирался на эту тысячелетнюю еврейскую тоску по возвращению на Землю Израиля. Но, повторим, альфой и омегой этой идеологии было переосмысление евреев как нации, подобной всем другим нациям. И это переосмысление не только предшествовало возникновению сионизма как такового, но и привело к формированию других форм современного еврейского национализма, которые категорически отвергли возвращение евреев в Палестину, призывая их вместо этого к политическому возрождению в диаспоре. Несмотря на эти фундаментальные и часто резкие различия, помимо признания факта, что евреи составляют «нацию» в новом смысле этого слова, все идеологические системы

современного еврейского национализма исходили из двух основных общих посылок. Во-первых, цель «эмансипации» — достижения равных прав — которой в 1790 и 1791 годах первыми добились французские евреи и за которую затем другие евреи Европы боролись на протяжении большей части XIX века — была не только недостижимой и, следовательно, иллюзорной, но, на еще более глубоком уровне, фундаментально ошибочной, поскольку эмансипация и интеграция в другие национальные государства противоречили самому представлению о евреях как об отдельном народе. Таким образом, хотя и националисты, и сторонники эмансипации открыто признавали разницу между нацией и религией, введенную в эпоху Просвещения, обе стороны на основании этого разграничения пришли к совершенно противоположным выводам.

Во-вторых, эта точка зрения сложным образом пересекалась с тем, что большинство современных еврейских националистов отвергло тысячелетние религиозные верования и традиции евреев, включая (для многих, хотя и не всех) веру в Бога. Эти верования и традиции, как утверждали новые еврейские националисты, были вытеснены открытиями науки, эпохой Просвещения, Дарвином (а для социалистов — Марксом), короче говоря, самой современностью. Единственным рациональным заключением, таким образом, стало то, что за освобождение евреев отвечают сами евреи, а не какой-то Бог, которого, вероятно, и не существует. Сионисты и другие еврейские националисты также отвергли новые религиозные движения, возникшие в еврейской среде Западной и Центральной Европы: реформистский, позитивно-исторический и неоортодоксальный иудаизм. Во всех этих направлениях считалось, например, что евреи в Германии были немцами Моисеевой веры, подобно немцам католической или протестантской веры, и точно так же следует смотреть на евреев в других странах мира, где по мере развития цивилизации евреи будут эмансипированы наравне с прочими гражданами всех современных государств. Таким образом, большинству евреев Западной Европы именно иудаизм приказывал оставаться там, где они были, и поступать как верноподданные того государства, в котором они жили.

Проблема заключалась в том, что не все государства, даже в Западной Европе, были готовы относиться к евреям как к членам своей собственной национальной общины, отличающимся только вероисповеданием, и следовательно, эмансипировать евреев наравне с прочими гражданами. Действительно, очень скоро после появления современного еврейского национализма возникла новая форма ненависти к евреям: расовый антисемитизм, впервые появившийся одновременно во Франции и в Германии. Однако здесь следует очень точно соблюдать хронологию: слишком уж часто звучащее заявление о том, что современный еврейский национализм родился в ответ на антисемитизм или на вспышки жестокости и насилия («погромы») против евреев, которые начались в Российской империи в 1881–1882 годах, просто неверно. Первые высказывания приверженцев этой новой идеологии появились в печати задолго до распространения антисемитизма и до погромов начала 1880-х годов. Это не значит, что погромы и распространение антисемитской идеологии не убедили многих евреев в истинности современных националистических, в том числе сионистских, решений «еврейской проблемы». Но снова подчеркнем, и это важно понимать, что основной причиной возникновения современного еврейского национализма было возникновение новых идей среди самих евреев, применение к евреям основных положений современного национализма, а не ответная реакция на преследования.

Действительно, рост антисемитизма, даже в его самых жестких формах, в подавляющем большинстве случаев не привел евреев во всем мире к отказу от своей религии, от веры, будь то иудаизм в его традиционной или модернистской версии, или к отказу от уверенности в том, что правовая эмансипация — и, как следствие, увеличивающаяся экономическая и социальная мобильность — решит проблемы евреев. Таким образом, даже несмотря на рост антисемитизма, на протяжении большей части истории существования сионизма сионистские взгляды разделяло явное меньшинство еврейских общин в мире, а подавляющее большинство раввинов и светских лидеров противостояло им. Эта ситуация изменилась только после убийства 6 000 000 евреев

во время холокоста. Потребность в независимом Еврейском государстве, которое служило бы убежищем для евреев, не только стала тогда в еврейском сознании массовой, но и превратилась в главную задачу.

Но не будем ставить телегу впереди лошади. Нам следует вернуться в середину XIX века и пронаблюдать сначала за зарождением современного еврейского национализма, а затем, в 1897 году, за появлением его самого важного и долговечного ответвления — сионистского движения.

Глава 2

Еврейский национализм в Новое время (1872–1897)

Почти во всех пособиях по современной истории евреев или по собственно сионизму большое внимание уделяется так называемым предшественникам, предтечам или провозвестникам сионизма. Речь идет о небольшом числе мужчин (и одной известной женщине — Джордж Элиот), которые в середине XIX века выступали за возвращение евреев в Палестину и тем самым предвосхитили появление сионистского движения.

Однако теоретически сама идея «предшественников», «предтеч» или «провозвестников» любого движения или идеологии является глубоко проблематичной. Проще говоря, неизбежность появления того или иного движения или идеологии сперва признается, почти всегда совершенно бессознательно, а затем в глубине времен выискиваются фигуры, проповедовавшие идеи, похожие на те, что бытуют в нынешних движениях или идеологиях. В результате такой ретроекции игнорируются или сглаживаются очень серьезные расхождения между этими ранее возникшими идеями и концепциями, определившими лицо идеологии или движений, которые они якобы предвосхитили. В этом процессе щекотливые вопросы исторической интерпретации — причины и следствия — переворачиваются с ног на голову и интерпретируются неверно. Настоящий «предшественник», «предтеча» или «провозвестник» любого движения должен был бы, по идее, оказать влияние на реальные, осязаемые исторические процессы, с которыми его идентифицируют. Для сионизма

характерно то, что такого влияния *не было*, как не было и намека на причинно-следственные связи.

В троицу основных, чаще других упоминаемых «предшественников сионизма» входят два раввина, Цви-Гирш Калишер и Иехуда бен Шломо Хай Алкалай, а также философ-социалист Мозес Гесс. Они выдвигали интересные (и противоречивые) аргументы в пользу возвращения евреев в Палестину, но при жизни их практически никто не слушал, и, что существенно, они были совершенно неизвестны реальным создателям современного еврейского национализма и сионизма, о которых вскоре пойдет речь. Кроме того, если бы последние только прочли писания раввинов Калишера и Алкалая, они отвергли бы их фундаментально традиционалистские религиозные и сугубо мистические воззрения. Это справедливо и в отношении «Рима и Иерусалима» Мозеса Гесса: никто из основателей современного сионизма, выдвинувших собственные идеи, не слышал об этом произведении и не читал его. Повторю: если бы они прочли книгу Гесса, то очевидно отбросили бы ее весьма своеобразную помесь социализма и убежденности в необходимости сохранения ортодоксального иудаизма как основы будущего Еврейского государства в Палестине до наступления социалистической утопии.

Эти самые «предтечи» были найдены и признаны таковыми только *после* создания сионизма. Их как бы пригласили в свидетели защиты; особенно усердствовали в их поисках приверженцы отдельных ответвлений сионизма. Так, в 1902 году, после создания ортодоксального сионистского движения «Мизрахи», его лидеров, подвергшимся нападкам со стороны подавляющего большинства традиционалистов и ортодоксальных раввинов во всем мире, были необходимы авторитеты. Они могли бы заявить, что эти авторитеты поддерживают их точку зрения. Лидерам «Мизрахи» повезло: они наткнулись на писания раввинов Калишера и Алкалая. Их порицаемое всеми инакомыслие оказывалось якобы санкционировано раввинами. Тот факт, что мировоззрения этих раввинов радикально отличались как друг от друга, так и от фундаментальных представлений движения «Мизрахи», решили для удобства проигнорировать. Таким же образом с 1899 года,

после возникновения социалистических сионистских движений, Мозес Гесс был задним числом записан в предтечи этих идеологий, так как, по совпадению, он одновременно был социалистом и призывал к возвращению евреев в Палестину. По выходе книги Гесса из печати практически никто ее не читал, но этот факт снова было удобно проигнорировать, как и то, что в основе книги лежали весьма своеобразные взгляды, практически несовместимые с взглядами реально существовавших социалистических сионистских движений.

На самом деле исторически появление современного еврейского национализма, а затем сионизма, не знало никаких «предтеч». Оно было результатом внутреннего развития движения еврейского просвещения, известного как «Хаскала». Это движение началось в Германии в середине XVIII века, прежде всего под влиянием Мозеса Мендельсона, одного из замечательнейших философов своей эпохи. Присоединившись к движению просвещения и философски осмысливая и разграничивая национальность и религию, Мендельсон решительно выступал за следующее определение евреев: евреи — адепты религии, известной как иудаизм. Эта религия, как довольно своеобразно считал Мендельсон, не обладает никакими уникальными теологическими доктринами, отличающими ее от «естественной религии», врожденной для всех человеческих существ, обладающих разумом. И только по одной простой причине евреи вынуждены были тем не менее следовать заповедям и законам иудаизма: так поступать Господь заповедовал им и только им. Будучи набожным евреем, Мендельсон сохранял твердую веру в традиционное мессианское обетование, данное евреям Богом, но это не мешало ему определять евреев как представителей религиозной веры, которые, как и все другие представители религиозных общин, должны обладать правами в современном свободном государстве.

Это основополагающее учение Мендельсона осталось центральным в движении еврейского просвещения Центральной Европы и после его смерти. Попав в Восточную Европу, оно столкнулось с другой реальностью: здесь, в многонациональных империях, жило большинство евреев мира (в конце XVIII века

их было около одного миллиона), и евреи здесь признавались официально, да и сами они считали себя отдельными этническими и религиозными сообществами. В большинстве случаев они жили плотными общинами в городах и небольших торговых поселках, где они составляли заметную долю (а иногда и большинство) населения. В Российской империи, где проживало большинство евреев, понятия «гражданин» в современном значении (то есть в значении, полученном после Французской революции) попросту не существовало. Население — будь то дворяне, духовенство, крестьяне или члены городских групп, к которым по закону были отнесены евреи, — было подданными самодержавных монархов, и монархи предоставляли им привилегии по своей прихоти, не признавая какой-либо концепции неотъемлемых или врожденных прав, даже (как на Западе) для аристократии или духовенства. Поэтому сама идея «эмансипации», или «равных прав», была по своей сути чужда основным правовым политическим структурам Российского государства. (В контролируемом Россией Королевстве Польском евреи были формально эмансипированы в 1862 году, но на обычную жизнь это почти не повлияло.) В империи Габсбургов, которая завладела землями бывшей Речи Посполитой, известными как Галиция, где жили сотни тысяч (чаще всего обедневших) евреев, наследие римского права было гораздо более значительным, и, следовательно, существовали понятия врожденных прав; тем не менее возможность юридической эмансипации евреев (или других так называемых меньшинств) была просто немыслима до возникновения в середине XIX века современного национализма.

И все же идеология еврейского просвещения, распространившаяся в Галицию, а затем достигшая своего пика на землях, контролируемых Россией, продолжала утверждать — как и так называемые западники среди русской интеллигенции, — что ход истории ведет Россию к преобразованию по западной модели. Таким образом, евреи в конечном итоге должны были не только достичь эмансипации по французской модели, но, как и сами русские, доказать самим себе, что достойны такой эмансипации, обновляя себя. Для евреев это означало отказ от фундаменталь-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru